

КРОВЬ ВАМПИРА

Флоренс Марриат

Флоренс Марриат

Кровь вампира

«Автор»

2026

Марриат Ф.

Кровь вампира / Ф. Марриат — «Автор», 2026

1897 год. В один год со стокеровской «Дракулой» вышел другой, куда менее известный роман о вампире — и его героиня совсем не похожа на графа из Трансильвании. Харриет Брандт, дочь ямайского плантатора и мулатки, впервые в жизни покидает монастырские стены и отправляется в Европу — юная, обаятельная, с солидным состоянием и чудесным голосом. На бельгийском курорте она легко заводит друзей — но рядом с ней один за другим начинают слабеть и умирать те, к кому она успевает привязаться. Слухи шепчут: в её жилах течёт кровь вампира. Правда это или клевета тех, кому удобно видеть в чужачке монстра? Флоренс Марриат написала не готический ужастик, а горькую историю о наследственности и праве на любовь. Впервые на русском языке.

© Марриат Ф., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
ОТ ПЕРЕВОДЧИКА	7
ГЛАВА I	8
Г	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Флоренс Марриат

Кровь вампира

Глава

ФЛОРЕНС МАРРИАТ

КРОВЬ ВАМПИРА

Литературный перевод с английского
(роман, 1897)

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

В 1897 году в Лондоне вышли сразу два романа о вампирах. Один написал ирландец Брэм Стокер и поселил своего героя в замке в Трансильвании. Автор второго, куда менее известного сегодня романа — англичанка Флоренс Марриат, дочь морского писателя капитана Фредерика Марриата, плодовитая сочинительница «сенсационных» романов и увлечённая спиритка, входящая в круг знаменитых медиумов своего времени. Её вампир получился совсем другим: женщина родом с Ямайки, которая не пьёт кровь своих жертв, а забирает саму их жизненную силу — за это позднейшие исследователи и назвали Харриет Брандт «психическим вампиром».

Харриет — не хищница из готического замка. Она обаятельная, щедрая, нелепо доверчивая девушка, которая искренне хочет любить и быть любимой, а вместо этого раз за разом наблюдает, как чахнут и умирают те, к кому она успела привязаться. Марриат наделяет свою героиню и свободой, и проклятием одновременно: Харриет и правда, сама того не желая, губит близких — но при этом остаётся фигурой скорее трагической, чем зловещей, и читателя исподволь подталкивают ей сочувствовать, а не бояться её. Роман вышел в год «Дракулы» и почти сразу оказался в его тени, но, пожалуй, именно то, что делало книгу неудобной для викторианской полки, сегодня читается интереснее всего.

Русскому читателю стоит заранее настроиться на две вещи.

Первая: это далеко не всё время мрачная книга. Добрая половина её — курортная комедия нравов: перепалки за *table d'hôte*, скандалы из-за купален, несносная баронесса, во весь голос чествящая слуг на променаде. Готический сюжет прорастает сквозь эту светскую суету медленно, почти незаметно, и тем сильнее действует, когда наконец берёт верх.

Вторая: взгляды автора на «дурную кровь» и происхождение — это чистые взгляды конца XIX века, и Марриат не иронизирует над ними, а вкладывает их в уста самых симпатичных читателю персонажей. Сегодня это воспринимается не как медицинская или расовая истина, а как выразительный документ эпохи — и тем интереснее наблюдать, как сама героиня раз за разом вызывает больше сочувствия, чем осуждения, вопреки собственному приговору, который выносит ей текст.

При переводе я старался не «причёсывать» историю под современную прозу и не составлять её нарочно под стилизацию — а дать русскому читателю прочесть её так, будто она написана сегодня, но случилась сто с лишним лет назад: с той же скукой приморского городка, той же взаимной неприязнью соседей по гостинице и тем же вопросом, который роман задаёт под занавес — можно ли всю жизнь расплачиваться за грехи, которые совершил не ты.

ГЛАВА I

Дело шло к обеду. Длинная набережная Эйста почти опустела; та же участь постигла полосу рыхлого желтого песка у ее подножия, а между тем все *table d'hôtes* спешно заполнялись гостями. Анри, самый молодой из официантов отеля «Лион д'Ор», стоял на ступенях между двумя огромными золочеными львами, вздыбленными по обе стороны от входа, и что было сил тряс колокольчик, созывая опоздавших к столу, — резкий, дребезжащий звон заставлял дам, ожидавших начала обеда в маленькой гостиной сбоку, зажимать уши. Филипп и Жюль торопливо накрывали мраморные столики на открытом балконе перед *salle à manger*, где посторонние могли пообедать *à la carte*, если пожелают. В зале длинные узкие столы украшали пыльные герани и фуксии, а к горлышку каждой судочницы был привязан пучок несвежих искусственных цветов. Впрочем, постояльцы «Лион д'Ор» — в основном англичане — слишком проголодались, чтобы придираться к обстановке.

Баронесса Гобелли, с мужем по одну руку и сыном по другую, первой заняла место за столом. Она неизменно появлялась к супу — давно заметив, что пришедшим раньше достается порция побольше, чем опоздавшим. Ничего подобного не тревожило миссис Пуллен и ее подругу мисс Лейтон, сидевших напротив баронессы с семейством: *potage aux scoutons*, которым обычно открывался обед *table d'hôte*, занимал их мало. Длинные столы быстро заполнились разношерстной публикой — англичанами, немцами, бельгийцами, — и все болтали разом, особенно иностранцы, взахлеб, наперегонки. Среди гостей мелькали дети, большей частью капризные и невоспитанные, которых то и дело приходилось одергивать, отчего губы мисс Лейтон кривились в гадливой гримасе. Прямо напротив нее, рядом с Бобби Бейтсом, сыном баронессы от первого брака (с которым она обращалась так, будто ему было лет десять), стоял свободный стул, повернутый спинкой к столу в знак того, что место занято.

— Уж не для немецкой ли это принцессы, о которой мадам Ламон так любит рассказывать, — шепнула Элинор Лейтон на ухо миссис Пуллен. — Утром она говорила, что ждет ее сегодня к вечеру.

— О, вряд ли! — отозвалась подруга. — Я мало смыслю в титулах, но сомневаюсь, что принцесса станет обедать за общим *table d'hôte*.

— Подумаешь, немецкая принцесса! — вновь скривила губы мисс Лейтон: она была дочерью лорда Уолтемстоу и невысоко ставила любую знать, кроме английской.

Не успела она договорить, как стул напротив резко придвинули к столу, и на него уселась молодая девушка — уселась и смело, хоть и без вызова, обвела глазами столы и соседей по обе стороны. Девушка была скорее приметной, чем красивой: красота ее не бросалась в глаза с первого взгляда. Фигура — высокая, но тонкая и гибкая, почти без костей, — покачивалась на стуле из стороны в сторону. Кожа бесцветная, но чистая. Глаза продолговатые, темные, узкие, с тяжелыми веками и густыми черными ресницами, ложившимися на щеки. Брови — дугой, тонко очерченные, нос — прямой и небольшой. А вот рот — крупный, губы густого, кровавого оттенка, за которыми виднелись мелкие белые зубы. Довершала облик масса мягких, тускло-иссиня-черных волос, небрежно скрученных на затылке, — казалось, они не знали ни гребня, ни шпилек. Одета девушка была очень просто, в белое батистовое платье, но не прошло и пяти минут, как все дамы за столом разглядели, что щедро нашитые на него кружева — дорогой валансён, а у горла платье скреплено бриллиантовой застежкой. Новоприбывшую нисколько не смущали устремленные на нее взгляды; она сносила их спокойно, украдкой улыбаясь то одному, то другому, — пока не подали *entrées*, и тогда все ее внимание сосредоточилось на тарелке. Мисс Лейтон подумалось, что ей еще не доводилось видеть, чтобы молодая особа поглощала еду с такой жадностью и таким удовольствием. Она невольно не могла отвести от нее глаз. Баронесса Гобелли, и та, при всей своей неопрятности за столом — она разбрасывала

еду по тарелке, а то и по скатерти, — не шла ни в какое сравнение с незнакомкой. Дело было не столько в быстроте и явном аппетите, сколько в том, как девушка не сводила глаз с еды, точно боялась, что кто-то ее отнимет. Едва тарелка опустела, она резко подозвала официанта по-французски и велела принести добавки.

— Вот это правильно, милочка! — воскликнула баронесса, тряхнув огромной головой и широко улыбнувшись новенькой. — Заставляй их носить добавку! Отличное блюдо, я и сама еще возьму!

Едва Филипп положил последнюю порцию *entrée* на тарелку девушки, баронесса сунула свою тарелку ему под нос.

— Эй! — сказала она. — Принеси-ка еще три порции — барону, Бобби и мне!

Официант покачал головой, давая понять, что блюдо кончилось, но баронессу такими отговорками было не унять. Она подняла шум. Редкая трапеза обходилась без перебранки между этой ужасной женщиной и прислугой отеля.

— Ну вот, опять началось, — шепнула мисс Лейтон на ухо миссис Пуллен. Официант принес другое блюдо, но баронесса требовала добавки именно *tête de veau aux champignons*.

— *Il n'y a plus, Madame!* — уверял Филипп с извиняющимся жестом.

— Чего он там говорит? — осведомилась баронесса, по-французски понимавшая плохо.

— Больше нет, моя дорогая! — с сильным немецким акцентом перевел муж.

— Ну и наглость! — вспыхнула баронесса. — А ну, зовите сюда мсье немедленно! Я живо разберусь, кормят тут как следует или нет, в этой паршивой гостинице!

Дамы, понимавшие по-английски, взглянули на нее с ужасом, но мадам Гобелли это ничуть не заботило: она то и дело выкрикивала «мсье!», пока обед не подошел к концу без всякого удовлетворения ее претензий, и тогда она рассудила, что разумнее заняться обедом, а дразги отложить до более удобного случая.

Баронесса Гобелли оставалась для большинства постояльцев отеля загадкой. Женщина огромного, слоновьего сложения, с крупным плоским лицом, неуклюжими руками и ногами. Кожа грубая, волосы грубые, черты лица грубые. Единственное, что скрашивало в остальном малопривлекательное лицо, — пара добродушных, хоть и хитроватых голубых глаз да ровный ряд крепких белых зубов. Кем баронесса была прежде — толком никто не знал. По ее необразованности и отсутствию манер легко угадывалось низкое происхождение, и все же она запросто упоминала аристократические, даже королевские имена, держалась так, точно эти семейства и их дома были ей хорошо знакомы. Ходил слух, будто до замужества она служила кухаркой у старого мистера Бейтса, и когда тот умер, оставив ей единственного ребенка и изрядное состояние, маленький немецкий барон рассудил, что ее деньги вполне возмещают недостаток породы. Баронесса была вопиюще вульгарна и, если ее задеть, вопиюще бранчлива, но отходчива и не лишена грубоватого добродушия, а вдобавок наделена изрядной житейской сметкой, заменявшей ей ум. При этом она беззастенчиво лгала и едва ли не гордилась этим. Обладая деньгами в достатке, она имела обыкновение внезапно к кому-нибудь привязываться — осыпать подарками и милостями, пока не наскучит, а после так же внезапно охладевать, без всякой видимой причины, и порой даже оскорблять тех, от кого не могла отделаться иначе. Барон был у нее всецело под каблуком, более того — раболепствовал в ее присутствии, что удивляло тех, кто не знал: среди прочих притязаний баронесса уверяла, что состоит в сношениях с некими сверхъестественными и невидимыми существами, способными покарать всякого, кто ее прогневит. Этот страх — вкупе с тем, что все деньги были у нее и она держала кошелек на крепком замке, — заставлял барона исполнять любую волю жены, точно раб. Быть может, самый мягкий уголок в сердце баронессы был отведен ее хилому и ничем не примечательному сыну Бобби Бейтсу, хотя обходилась она с ним с грубостью тигрицы, опекающей детеныша. За ним она следила еще пристальнее, чем за мужем, и Бобби, хоть ему и минуло девятнадцать, при матери не смел и пикнуть.

Когда подали сыр, Элинор Лейтон поднялась из-за стола с досадливым жестом.

— Уйдем отсюда, Маргарет, — произнесла она вполголоса. — Я больше не могу этого выносить.

Обе дамы вышли из-за стола и, миновав балкон, направились туда, где на набережной стояли крашенные железные стулья и столики — для прохожих, пожелавших отдохнуть и утолить жажду лимонадом или легким пивом.

— Интересно, кто эта девушка, — заметила миссис Пуллен, когда они отошли достаточно далеко. — Не знаю, нравится она мне или нет, но в ней есть что-то незаурядное.

— Вы находите? — отозвалась мисс Лейтон. — По-моему, она отличилась лишь тем, что ела как баклан. Я в жизни не видела, чтобы кто-то в приличном обществе так набрасывался на еду! Меня чуть не стошнило.

— Неужели настолько плохо? — рассеянно откликнулась миссис Пуллен, куда более сдержанная по натуре. В этот миг ее внимание привлекла коляска с малышкой, и она поднялась ей навстречу.

— Как она, няня? — спросила она с тревогой, будто рассталась с ребенком не час назад, а куда раньше. — Все время не спала?

— Да, мэм, всю глазела по сторонам! Но, кажется, теперь клонит ко сну. Я подумала, не пора ли внести ее в дом.

— Нет-нет, не в такой чудный теплый вечер! Если уснет на воздухе — не беда. Оставьте ее со мной, а сами узнайте, будьте добры, имя той барышни, что сидела напротив меня за обедом. Филипп понимает по-английски, он подскажет.

— Зачем это тебе? — поинтересовалась мисс Лейтон, когда горничная удалилась.

— Сама не знаю. Просто любопытно. Слишком уж она молода, чтобы путешествовать одной.

Элинор Лейтон ничего не ответила и, перейдя набережную, остановилась, глядя на море. Она ждала жениха, капитана Ральфа Пуллена из Лимерикских стрелков, а тот все откладывал приезд, отчего Эйст начинал казаться ей на редкость скучным местом.

Постояльцы «Лион д'Ора» к тому времени отобедали и понемногу собирались на набережной, чтобы прогуляться перед тем, как разойтись по многочисленным *cafés-chantants*, представленным через равные промежутки вдоль моря. Среди прочих показалась и баронесса Гобелли, тяжело опираясь одной рукой на толстую трость, другой — на плечо мужа. Странная то была пара на вечерней прогулке.

Она — рослая и грузная, на голову выше спутника; он — с плотным туловищем на коротких ногах, в огромной шляпе, нахлобученной по самые брови, да и шеи-то у него почти не было, так что поля будто лежали прямо на плечах, — представлял собой фигуру довольно комичную, шагая рядом с женой и слегка сгибаясь под тяжестью ее руки. И все же она искренне им гордилась. Несмотря на нескладную фигуру, барон обладал тем мягким немецким лицом — светло-голубые водянистые глаза, длинный нос, рыжевато-золотистые волосы и борода, — что иным казалось красивым, и баронесса не уставала рассказывать всем и каждому, что с него якобы писали какого-то прославленного святого.

Сама она смотрелась и того забавнее: денег имела в достатке, но полное равнодушие к нарядам заставляло прохожих оборачиваться ей вслед. В тот вечер на ней было шелковое платье по семнадцать шиллингов за ярд, дорогая бархатная накидка, шляпка — точно с помойки, и нитяные перчатки с дырами на все пальцы. Проходя мимо мисс Лейтон, она потрясла у нее перед носом толстой тростью и крикнула так, что слышали все вокруг:

— Ну что, когда же к вам пожалует ваш красавец капитан, мисс Лейтон, а? Гляди, как бы не приударил за другой девицей! «Когда в тоске я думал о своей л-ю-б-в-и...» Ха-ха-ха!

Элинор слегка порозовела, но головы не повернула и вниманием обидчицу не удостоила. Баронессу она ненавидела с настоящей, глухой злобой; ее гордую, холодную натуру коробили и грубость этой женщины, и ее фамильярность.

— Опять с отродьем нянчишься! — крикнула баронесса, проходя мимо Маргарет Пуллен, тихонько покачивавшей коляску, чтобы убаюкать младенца. — Взяла бы да утопила его сразу, как родила, — избавила бы себя от хлопот! Я вот жалею порой, что не сделала так с этим чертенком Бобби! Эй, ты где там, Бобби?

— Тут я, мама, прямо за тобой! — отозвался недалекий на вид юноша.

— Смотри у меня, не смей убежать от отца и от меня да подмигивать девицам! Успеешь еще, правда, Густав? — обратилась она к барону.

— Идем, Роберт, и слушайся, что говорит мать, — произнес герр барон с гортанным немецким выговором, и странное трио двинулось дальше по набережной, а баронесса на ходу вслух комментировала всех встречаемых.

Маргарет Пуллен осталась сидеть у коляски, а взгляд ее, как и у Элинор, был устремлен на спокойную гладь моря. Августовское солнце уже совсем скрылось, и в воздухе явственно чувствовался тот неопределенный, неприятный запах, что всегда сопутствует дюнам Эйста. Все вокруг замерло в вялой, душной истоме — в небе уже собиралась гроза. Маргарет думала о муже, полковнике Артуре Пуллене, старшем брате жениха мисс Лейтон, — он служил сейчас в Индии ради нее и дочери. Отпустить его одного после единственного счастливого года супружества было для Маргарет тяжелым испытанием, но скорое рождение дочери не позволило ей отправиться в такое долгое путешествие, и пришлось остаться. Теперь малышке было уже полгода, полковник Пуллен рассчитывал вернуться к Рождеству и советовал жене подождать его здесь. И все же порой ею овладевала грусть.

В этом мире все случается так внезапно — кто мог бы поручиться, что она с мужем еще свидится, что Артур увидит свою дочку, что сама она доживет до того часа, когда вложит девочку в руки отца? Но такие мысли, она знала, были нездоровы, и она обычно старалась их отогнать. Вернувшаяся служанка с ответом на порученный вопрос вывела ее из задумчивости.

— С вашего позволения, мэм, барышню зовут мисс Брандт, и Филипп говорит, она приехала из Лондона.

— Англичанка! Ни за что бы не подумала, — заметила миссис Пуллен. — Она так хорошо говорит по-французски.

— Взять теперь малышку, мэм?

— Да, покатайте ее по набережной, я скоро подойду.

Пока горничная исполняла поручение, Маргарет окликнула мисс Лейтон:

— Элинор! Иди сюда!

— Что там? — спросила та, садясь рядом.

— Новую девушку зовут Брандт, она из Англии. Ты бы поверила?

— Мне не было до нее дела настолько, чтобы строить догадки на этот счет. Я только заметила, что рот у нее до ушей и ест она, как свинья. Какое нам дело, откуда она родом?

В этот миг миссис Монтегю, переправлявшая вместе с мужем целый выводок из девяти детей в Брюссель — в наивной уверенности, что жизнь там обойдется дешевле, чем в Англии, — спустилась с гостиничного крыльца, волоча за собой полдюжины отпрысков, и направилась прямо к Маргарет Пуллен.

— Ах, миссис Пуллен! Как зовут ту барышню, что сидела напротив вас за обедом? Все только о ней и спрашивают! Говорят, она несметно богата и путешествует одна. Вы видели кружево на ее платье? Настоящий валансьен, а какие бриллиантовые кольца! Фредерик говорит, они, должно быть, стоят целое состояние. Верно, особа не из последних!

— Напротив: няня говорит, она англичанка, и зовут ее Брандт. У нее здесь совсем нет знакомых?

— Мадам Ламон рассказывает, будто она приехала вместе с другой девушкой, но они поселились в разных частях гостиницы. Странно, не правда ли?

— И весьма неприлично, — вставила Элинор Лейтон. — По мне, чем меньше с ней знаться, тем лучше. Никогда не знаешь, каких знакомств наберешься в подобном месте! Как погляжу порой на этот *table d'hôte* — точно зверинец, — мне становится дурно.

— Право? — отозвалась миссис Монтегю. — А по-моему, презабавно. Вот хотя бы баронесса Гобелли...

— Не упоминайте ее при мне! — с отвращением воскликнула мисс Лейтон. — Эта особа не годится для приличного общества!

— Она, конечно, простовата и ведет себя странно, — сказала миссис Монтегю, — но очень добра. Моему маленькому Эдварду она вчера подарила луидор — мне даже неловко было позволить ему принять подарок!

— Вот вам и доказательство ее вульгарности, — воскликнула Элинор Лейтон, у которой самой не нашлось бы и шести пенсов на подарки, — это лишь значит, что она надеется деньгами искупить все прочие свои недостатки! Мисс Тейлор, которая уехала на прошлой неделе, она подарила дорогую брошь прямо со своей шеи. Скучная плата за все те унижения, что бедняжке пришлось от нее вытерпеть! Полагаю, эта *nouveau riche* попытается задобрить и нас тем же способом.

В эту минуту на балконе, возвышавшемся всего на несколько футов над тем местом, где они сидели, показался предмет их разговора — мисс Брандт. На ней было то же платье, что и за обедом, только теперь плечи покрывала легкая пушистая шаль. Она замерла, улыбаясь и глядя на дам (те, разумеется, разом умолкли), а затем спустилась по ступеням между вздыбленными золочеными львами и, будто робея, подошла ближе. Миссис Пуллен решила, что было бы невежливо вовсе не замечать новую знакомую, и — к вящей досаде мисс Лейтон — негромко произнесла: «Добрый вечер!»

Для мисс Брандт этого оказалось довольно. Она приблизилась, вся сияя улыбкой.

— Добрый вечер! Правда, чудесно здесь? Так тепло и мягко — совсем как на острове, только гораздо свежее!

Она обвела взглядом набережную, заполненную гуляющими, и глубоко, с наслаждением вздохнула.

— Как весело им всем, и как я счастлива! Знаете, чего бы мне хотелось больше всего на свете? — обратилась она к миссис Пуллен.

— Право, нет!

— Мне хотелось бы носиться взад-вперед по этой дороге, что есть духу, вскинув руки над головой, и кричать во весь голос!

Дамы обменялись изумленными взглядами, но Маргарет Пуллен не удержалась от улыбки и спросила новую знакомую, отчего же ей этого хочется.

— Ах, потому что я свободна — наконец-то свободна, после десяти долгих лет заточения! Истинная правда, честное слово, вы бы чувствовали то же самое, доведись вам просидеть взаперти в мерзком монастыре с одиннадцати лет!

При слове «монастырь» на лицах всех трех дам мгновенно отразился истинно протестантский ужас: миссис Монтегю поспешно собрала вокруг себя все свое семейство и увела подальше от греха, хотя ей самой куда как хотелось дослушать историю мисс Брандт до конца, а Элинор Лейтон отодвинула стул подальше. Но Маргарет Пуллен заинтересовалась и попросила девушку продолжать.

— В монастыре! Так вы, стало быть, католичка?

Харриет Брандт вдруг широко раскрыла свои сонные глаза.

— Право, не знаю! Сама толком не уверена, кто я. Религии-то в монастыре мне вбили предостаточно, приходилось твердить с ними все молитвы, но родители мои католиками, кажется, не были. Впрочем, теперь это неважно: я сама себе хозяйка и вольна быть, кем захочу!

— Вы, стало быть, имели несчастье лишиться родителей?

— Да, давным-давно, потому опекун, мистер Троулер, и отдал меня в монастырь учиться. Десять лет там просидела! Каково, а? Мне уже двадцать один, вот я теперь и свободна! Видите ли, — доверительно продолжала девушка, — родители оставили мне все свое состояние, и, едва достигнув совершеннолетия, я вступила во владение им. Мой опекун, мистер Троулер, — он живет на Ямайке, я вам говорила, что приехала с Ямайки? — думал, что, выйдя из монастыря, я поселюсь у него с женой и стану платить им за постой, но я отказалась. Слишком уж крепко они меня держали в прежние годы! Мне хотелось повидать свет, пожить настоящей жизнью — вот чего я всегда ждала, — и, как только все дела уладились, я покинула Вест-Индию и приехала сюда!

— Но, кажется, в гостинице говорили, что вы приехали из Англии?

— Так и есть! Пароход пришел в Лондон, и я неделю там пробыла, прежде чем отправиться дальше.

— Но вы слишком молоды, чтобы путешествовать одной, мисс Брандт! Английские барышни так не делают, — заметила миссис Пуллен.

— Я не совсем одна! Ольга Бримон, что училась со мной в монастыре, едет со мной. Только она нездорова, лежит у себя наверху. Она едет к брату в Брюссель, вот мы и отправились вместе. На пароходе у нас была одна каюта, и Ольге было очень худо. Одну ночь доктор даже думал, что она умрет! Я все время была при ней, просиживала ночи напролет, только толку от этого было мало. В Лондоне мы задержались — хотели купить платьев и всякой всячины, — но она не могла выходить, и мне пришлось идти одной. Ее брата сейчас нет в Брюсселе, он написал ей дожидаться в Эйсте, пока он за ней не придет, а мне все равно было некуда деваться, вот я и поехала с ней! Теперь ей уже лучше. Весь день проспала.

— А что вы станете делать, когда подруга вас покинет? — спросила миссис Пуллен.

— Ах, не знаю! Буду путешествовать, наверное! Поеду, куда вздумается.

— Вы не собираетесь пройти сегодня вечером? — вполголоса осведомилась Элинон Лейтон у подруги, желая прервать этот разговор.

— Отчего же, собираюсь! Я говорила няне, что скоро присоединюсь к ней с малышкой.

— Тогда принести тебе шляпу? — спросила мисс Лейтон, поднимаясь, чтобы идти наверх.

— Да, будь добра, и бархатную накидку — вдруг похолодает.

— И я схожу за своей! — воскликнула мисс Брандт, вскакивая с готовностью. — Можно, я пойду с вами? Только скажу Ольге, что ухожу, и сразу вернусь, через пять минут! — и, не дожидаясь ответа, унеслась прочь.

— Вот что ты на нас навлекла! — с досадой заметила Элинон.

— Ну, я тут ни при чем, — отозвалась Маргарет. — И, в конце концов, что за беда? Простая любезность одинокой девушке. Мне она даже нравится, Элинон! Она, конечно, чересчур фамильярна и болтлива, но подумай только, каково это — вдруг оказаться сама себе хозяйкой, да еще с деньгами, после десяти лет взаперти за монастырскими стенами! От такого и голову потерять недолго. По-моему, было бы просто черство отказать ей в дружеском участии.

— Что ж, надеюсь, все обойдется! Но не забывай, как предостерегал нас Ральф от завязывания знакомств в иностранных гостиницах.

— Но я не обязана слушаться приказов Ральфа, хоть ты, быть может, и обязана, и я вовсе не намерена во всем полагаться на мнение столь разборчивого и взыскательного джентльмена. Мой Артур, уверена, никогда не упрекнул бы меня за дружбу с молодой незамужней девушкой.

— В любом случае, Маргарет, умоляю: не обсуждай при этой твоей новой protégée мои личные дела. Не хочу, чтобы она таращила глаза на новость о моей помолвке с твоим деверем.

— Разумеется, не стану, раз ты просишь! Но вряд ли тебе удастся сохранить это в тайне, когда сюда явится Ральф, не так ли?

— Отчего же? С какой стати кому-то знать больше того, что он — брат твоего мужа?

— Полагаю, все и так знают куда больше, — рассмеялась Маргарет. — О том, что ты — досточтимая Элинон Лейтон, дочь барона Уолтемстоу, знал весь Эйст уже на второй день по нашем приезде. И не сомневаюсь, следом разошлась и не менее занимательная новость о твоей помолвке с капитаном Пулленом. Слугам рта не заткнешь, сама знаешь.

— Пожалуй что так, — отозвалась Элинон с презрительной гримаской. — Впрочем, больше они ничего от меня — да и от Ральфа — не узнают. Мы не какие-нибудь «Гарри и Гарриет», чтобы сидеть на набережной в обнимку.

— Ну-ну, а все же есть некоторые признаки... — со смехом заметила Маргарет.

— С нами такого не будет! — с негодованием отрезала мисс Лейтон — в тот самый миг, когда Харриет Брандт, в черной кружевной шляпке с желтыми розами и небрежно повязанной на груди косынкой, сбежала вниз по ступеням, спеша к ним присоединиться.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.